

В. Ю. Софронов

ЗЕМЛЯ УСОПШИХ

Мертвые живы, пока есть живые,
чтобы о них вспомнить.

Э. Андрио

Народы, утрачивающие свои могилы,
умирают...

Неизвестный автор

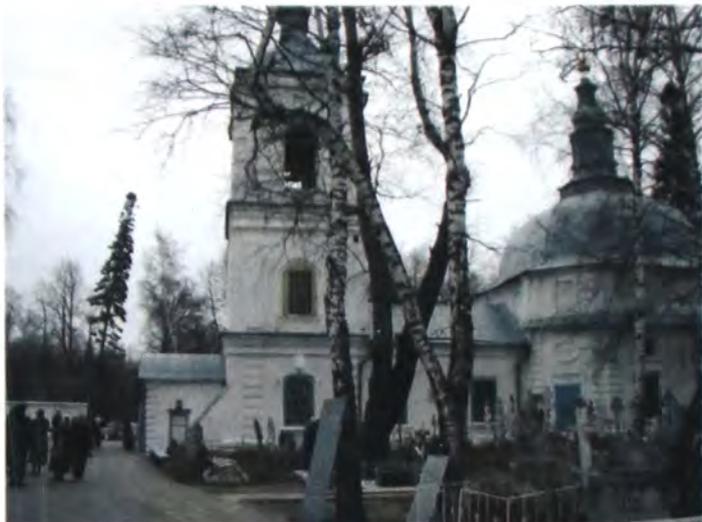
Всем нам предстоит когда-то проделать последний путь до могильного холмика, который и станет вечным покоем всякого ныне живущего. Не бывает мертвых без живых, но и мы, живые, не можем прожить без памяти о мертвых. Так устроен мир, и не нам его менять.

Тобольское Завальное кладбище, устроенное нашими мудрыми предками за городской чертой, «за валом», откуда и родилось его название, теперь стало еще одним микрорайоном, мемориальным памятником, который охотно посещают туристы (кроме Софийского двора, их более и вести некуда!), и мы, тоболяки, нет-нет, да и заглянем, почтим память усопших родных и близких. Это нормально, когда человек ходит на кладбище. Значит, душа у него не совсем очерствела, не превратился он еще в покорный челнок, снующий по одному и тому же маршруту: дом – работа. Нормально, когда поминают по русскому обычаю, заказывают молебны, подправляют могилки, оградки, тихонечко беседуют о чем-то своем с мертвыми. Хуже, когда зарастают бурьяном брошенные могилы, обрушиваются кресты и памятники; совсем плохо, когда могилки уничтожают, а вслед за этим исчезает и память о человеке. Но это уже ценности скорее моральные, касающиеся совести каждого. Каждого из нас.

Начало

По библейскому преданию, первый человек (Адам) был похоронен на Голгофе (от греческого — «череп»). А потому легендарную гору можно назвать первым в мире кладбищем. О возвращении тела земле сказано еще в Ветхом завете (Быт. 3.19, Екк. 12.7), для этого предназначались кладбища или усыпальницы. В Древнем Риме были специально выработаны законы на этот счет: «Смертного человека в городе не погребать и не сжигать» (законы Адриана, Диоклетиана, Феодосия и др.). Это же правило перешло и в христианское учение. Иоанн Златоуст в 68-й беседе о мучениках замечает: «Как в праздник Маккавеев все села хлынули в город, так и в праздник почивающих в селе мучеников весь город должен был к ним переселиться». Существовал обычай собираться для молитвы за городом на гробы мучеников, о чем сообщает Григорий Антиохийский¹. Нередко кладбища устраивались в подземных катакомбах, находящихся за пределами города. Древние катакомбные кладбища окружают Рим со всех сторон.

¹ Христианство // Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1. С. 757–758.

**Церковь
Семи отроков
Эфесских
2-я пол. XVIII в.**

На российской земле

В дохристианской Руси существовал обычай сжигания покойников, который сохранялся до IX–XI вв. И лишь во времена Владимира Мономаха стало преобладать захоронение в том виде, в каком оно дошло до наших дней. При этом над могилой надстраивался срубный домик, который позднее заменили надмогильным памятником, носившим название «бдын» или «бдынъ»². (Вероятно, от слова «бдеть» — не спать, надзирать, смотреть. Таким

образом, надгробные памятники играли роль оберегов, охранявших знаки от чужаков, а также были своеобразными межевыми пограничными знаками).

Слово «кладбище» произошло от «класть», что в словаре В. Даля определяется как «помещать лежа, валить, сваливать, укладывать». Отсюда однокоренные слова — «клад» и «кладовая». Наши предки оставили нам многочисленные названия того скорбного места, куда свозили усопших: погребалище, гробище, вогробница, бор, буйвище, повоз, погост, могильник, жальник, боженивка, божья нива, усыпалище, родительская земля, покут, упокоище, скудельница. И даже загадка про кладбище сохранилась: село заселено, петухи не поют, люди не встают. Гроб, или домовину, в старину делали с окошком, долбили из цельного куска дерева, называя его в шутку «деревянным тулупом». Другое название — рака, где покоятся святые мощи.

В христианской России кладбища неожиданно приблизились к «жилому сектору» и стали возникать при монастырях, городских и сельских церквях, что и понятно: души умерших должны присутствовать при церковной службе. Умерших стали хоронить возле приходской церкви, и до XIV столетия церковные дворы служили почти единственным местом для кладбищ. Так, в Москве в конце XVII в. было более 300 мест погребения. Для иностранцев существовало так называемое «немецкое» кладбище. Усыпальницей московских князей и русских царей служил Архангельский собор Московского Кремля; для русских императоров со времен Петра I — Петропавловский собор в Петербурге; для высших иерархов русской православной церкви — Успенский собор в Москве. В октябре 1723 г. Петр I издал указ, запрещающий захоронение внутри города всех лиц, кроме «знатных персон». Но этот указ практически не исполнялся.

Не слышно шума городского

В 1758 г. открылось первое в Москве городское кладбище — Лазаревское. Открытие городских кладбищ вне города ускори-

² Шуклин В. Мифы русского народа. Екатеринбург, 1995. С. 209.

ла эпидемия чумы в начале 60-х – 70-е гг. XVIII в., в связи с чем Сенат указом от 24 марта 1771 г. предписал хоронить умерших от чумы в Москве в особых загородных местах, а прочих — в отдаленных от центра города монастырях и церквях. Затем указом от 17 ноября 1771 г. Сенат запретил по всем городам захоронение при церквях и потребовал создать кладбища за городской чертой: «в вящую предосторожность от заразной болезни, чтобы по городам при церквях никого не хоронили, а отвели бы господа Губернаторы для того особые кладбища за городом на выгонных землях, где способнее, построив при оных на первый случай хоть небольшие деревянные церкви...». Так что именно практичная и дальновидная Екатерина II подвигла российскую администрацию к созданию кладбищ в том виде, какими мы их знаем сейчас.

На погребения при приходских церквях наложили строгий запрет, хотя и допускались захоронения в виде исключения для некоторых старинных монастырей, находящихся в черте города. А в конце XIX – начале XX вв. подобные «исключения» допускались лишь с разрешения архиерея для прихожан, оказавших церкви «особые услуги». По русскому законодательству, кладбища должны были устраиваться в городах на расстоянии не менее 100 сажень (213 метров) от последнего жилья, а в селениях — на расстоянии полуверсты (250 сажень). Но на практике в связи с ростом городов приходилось часто отступать от этого требования, и поэтому законом 1889 г. министру внутренних дел было предоставлено право лично решать подобные вопросы, не особо взвизывая на многочисленные запреты, а он, в свою очередь, предоставил это право местным градоначальникам и архиереям.

Российские кладбища во все времена находились в ведении духовенства, поскольку покойники самим фактом смерти изпод надзора гражданской власти как бы увольнялись. Разные конфессии имели различные места для захоронений. Интересно, что в России, стране многоконфессиональной, издаваемые законы касались лишь православной части населения. В начале XX столетия в Тобольске существовали три кладбища: христианское, мусульманское (татарское) и еврейское. Христианское или Завальное кладбище принимало и католиков, и протестантов, и, само собой разумеется, старообрядцев. Хотя строго соблюдались условные границы их захоронения. На ремезовском плане отмечены погребения пленных шведов, несколько тысяч которых после Полтавской битвы были сосланы в Сибирь. Затем пришла очередь польских конфедератов и иных «несчастных», как в Сибири повсеместно называли ссыльных. А в годы Первой мировой войны ближе к Глубокому буераку расположилось обширное так называемое австрийское

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

 Даниилом совершили массовое самоубийство. В 1679–81 воевал на Украине, руководил сооружением Изюмской засечной черты. Во время стрелецкого бунта 1682 призвал восставших «утихомириться», за что был награжден царевной Софьей чином оружничего. В правление Софьи недолгое время исполнял обязанности курского воеводы (1683), руководил крупными приказами: Оружейным (1682–90), Московским Судным (1683–84 и 1687–89), Золотой палатой (1682–85 и 1686–87) и Серебряной палатой (1682–88). Не раз вступал в местнические споры с Трубецкими, Плещеевыми, Бутурлиными. Несмотря на поддержку прав-ва Софьи, сохранил свое положение при Петре I. В 1689–97 — судья

кладбище, где упокоились военнопленные, воевавшие против России. Стоит заметить, что могила декабриста Вильгельма Кюхельбекера (друга А. С. Пушкина), протестанта по вероисповеданию, вряд ли могла быть вырыта возле стен православной церкви. Скорее всего, это уже в коммунистические времена всех декабристов «перевели» к центральной аллее (а было ли перезахоронение или нет — сказать трудно). Вряд ли власти по-

зволили бы поместить его рядом с православными священниками, могилы которых традиционно опоясывают кладбищенский храм. Это подтверждает и история с утерянной надгробной плитой «несчастливого Вилли», которая вдруг чудесным образом сыскалась на одном из уральских заводов.

По русскому законодательству, опустевшие кладбища не могли быть обрабатываемы под пашню, не дозволялось возводить на них какие-либо строения. Не разрешалось также без особого распоряжения переносить с закрытого кладбища гробы и мертвые тела. Захоронения не могли состоять в частной собственности, но те из них, которые устраивались на общественной земле, не переставали быть собственностью общества. Лицо, откупившее место на кладбище (для себя или своих близких), не приобретало его на правах собственности, а получало лишь исключительное право пользоваться этим местом для погребения. В XVIII–XIX вв. появляются кладбища военные, морские, тюремные, инфекционные и прочие. В XIX – начале XX вв. в России, в связи с ростом населения и территории городов, увеличилось число кладбищ, многие из которых, образованные в конце XVIII – начале XIX в. за городом, оказались в городской черте. Некоторые закрывались или переносились на другое место, а в крупнейших российских городах старые кладбища превращались в своеобразные национально-исторические памятники — некрополи.

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

М
Поместного приказа. Входил в состав одного из «кумпанств», учрежденных царем для стр-ва флота. С сер. XVII в. был известен в московском об-ве своей приверженностью европейским обычаям: брил бороду, носил «немецкое» платье. В 1680-х решительно выступил против планов упразднить Киево-Могилянскую коллегию (с 1701 — Академия). Дружил с шотландским военным инженером на рус. службе генерал-лейтенантом

За валом

Вот какие документы об открытии кладбищенской церкви имеются в тобольском архиве.

№ 1

1774, октября 11 — Промемория из Тобольской духовной консистории протоиерею тобольского Софийского собора Никите Арамильскому о постройке в Тобольске за городом кладбищенской церкви.

По силе Ея императорского Величества из Св. Правительствующего Синода и Правительствующего Сената Указов велено при городе для погребения умерших построить, на первый случай, хоть небольшую деревянную церковь. Почему, во испол-

нение тех Указов, Генерал Поручиком и Гвардии Премьер-майором Сибирским губернатором и кавалером Денисом Ивановичем Чичериным, как в сообщениях к нам от Его Высокопреосвященства 1772 г. августа 21 дня объявлено, для погребения мертвых тел отведено за городом возле прежде состоявшего убогова дома место, где ныне те мертвые тела и погребаются. Того ради благословляем Вам, Протоиерею Арамилскому, на оном кладбище против деревянного во имя Святых Семи отроков Эфесских церковь соборную обложить и по обложению велеть строить по подобию протчих греко-российских церквей с поспешением, и когда обложена будет нам рапортовать.

ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 3. Д. 418.

№ 2

1774, октября 12 — Из рапорта протоиерея тобольского Софийского собора Никиты Арамилского епископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму о закладке кладбищенской церкви.

По благославлению Вашего Преосвященства грамоте на отведенном от господина Губернатора для погребения умерших за городом месте церковь во имя Св. Семи отроков Эфесских мною сего октября 12 дня обложена. И оная грамота дана в содержание строителю той церкви геодезии сержанту Абарину, о чем Вашему Преосвященству и пререпортовал.

ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 3. Д. 418.

№ 3

1780, сентябрь — Из доношения Тобольской духовной консистории о числе захороненных на городском кладбище в 1772–1780 годах.

Умерших с 1772 г., сентября 14 на кладбище погребено:

1772 г.	1773 г.	1774 г.	1775 г.	1776 г.	1777 г.	1778 г.	1780 г.
муж.							
жен.							
77	236	291	315	334	234	241	341
84	237	268	290	370	203	239	354

Всего захороненных (с учетом сведений за 1779 г.): мужского пола — 2364, женского — 2345; обоого — 4709.

ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 3. Д. 418.

Момент «кладбищенской реформы» пришелся на время правления губернатора Д. И. Чичерина (очень деятельного правителя, воспоминания о котором жили в городе целое столетие) и епископа Варлаама (Петрова), на долю которого выпало устройство и освящение большинства городских каменных храмов.

**ТОБОЛЬСКИЕ
ВОЕВОДЫ**

П. И. Гордоном. Сохранился отзыв о Ш. как «человеке с большими способностями, но самохвале, чрезвычайно жадном к военной славе, невыносимо гордом и высокомерном». Лит.: Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. С. 311; Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1990. Кн. VI. Т. 12. С. 596; Кн. VII. Т. 13. С. 60–61; Власть в Сибири XVI – нач. XX в. Межархивный справочник. Новосибирск, 2002. С. 177–178. **В. В. Коновалов**

**ТОБОЛЬСКИЕ
ВОЕВОДЫ**

36. ст. **Шенин Алексей Семенович** (1680–1681), **Шенин Алексей Семенович** (1662–12.02.1700, Москва), боярин (1682), рус. полководец, тобольский воевода (1680–81). Из влиятельного московского боярского рода. Службу начал в 1672 при государевом дворе комнатным стольником царя Алексея Михайловича. С апр. 1680 по дек. 1681 в 18-летнем возрасте в чине стольника занимал должность тобольского воеводы. После пожара в авг. 1680 построил в Тобольске новые деревянные острог с проезжей башней и приказную палату. Содействовал закладке Софийского собора. После возвращения в Москву 10 апр. 1682 был пожалован в бояре. 25 июня 1682 участвовал в венчании на царство

Для сравнения приведем подобный приказ в том виде, как он поступил Иркутск в 1772 г., где и получен вторым губернатором Иркутской губернии, генерал-поручиком Адамом Ивановичем Брилем, и разослан «...из иркуцкого губернского магистрата иркуцких земных дел старостам» и в другие губернские города. В нем говорилось: «...чтобы те кладбища учреждались в удобных местах, удаленных от последнего городского жила по крайней мере не ближе ста сажень, а есть ли места доволе, то хотя б и за триста сажень и... плетнем или забором, то и земляным валом велеть их обносить, но токмо вал оный не выше двух аршин был, дабы что, то такие места воздухом скорее очищались, а для удержания скотины, чтоб она не могла заходить на кладбища, лучше можно поделать около вала поглубже и пошире ров с тем удобнее, что вынимаемая из него земля на самые же стены вала употреблена быть може...».

Но не все было ладно на Завальном кладбище еще в дореволюционные времена, о чем свидетельствует приведенная ниже выдержка из газетной статьи.

№ 4**Из статьи в газете «Тобольские епархиальные ведомости» «Несколько слов о современном состоянии городских кладбищ в Тобольской губернии»**

март 1882 г.

«Таким образом, ныне не в редкость видеть на наших городских кладбищах поломанные кресты и памятники, сорванные с них образки и цветы и вообще нечистоты всякого рода: благо в обители мертвых не зрит полицейское око, а могильщикам и сторожам нет возможности, особенно в многолюдных городах, усмотреть здесь за сохранением чистоты и порядка. Оберегать их, конечно, долженствовало бы нравственное чувство веры и долга, но, к сожалению, его-то и недостает нередко у нас — сынов века сего.

Бросив более подробный взгляд на настоящее состояние наших городских кладбищ, скажем затем несколько слов и о способах к приведению их в возможно приличное состояние.

В губернском городе Тобольске находится одно для всех христианских исповеданий кладбище, расположенное от городских

построек на расстоянии приблизительно до 250 сажень и смежное с предместьем города, называемым Завальною деревней. При каменной церкви, существующей издавна на этом кладбище, устроен в 1881 году на церковную сумму деревянный двухэтажный дом для жительства священноцерковнослужителей. Не в дальнем расстоянии от церкви находится старинное, существующее уже около 80 лет, деревянное же здание для помещения могильщи-

ков и при нем амбар, а у ворот кладбища — караульня. Кладбище с 1872 года разбито на участки, обозначенные столбами, большей частью уже разрушенными. Разделение на участки сделано было в видах взимания платы за места, занимаемые под могилы. Количество платы соразмеряется с близостью могилы к зданию церкви: чем место далее от сей последней, тем цена за него дешевле. Плата взимается в разных размерах, от 5 рублей и до 30 коп., но она обязательна не для всех: бедные пользуются землею бесплатно. Что же касается до чистоты и порядка, то таковыми Тобольское кладбище похвалиться не может: полуразрушенные от времени памятники, сорванные с могил свежие цветы, заваленные полусгнившим лесом дорожки, грязь летом и снежные заносы зимою — явление здесь обыкновенное.

Кладбище обнесено с северной и западной сторон довольно глубоким рвом, а с южной и восточной — рвом с палисадником, частоколом и земляным валом. Район, им занимаемый, усеян густым и тенистым лесом, освежающим несколько могильные миазмы. Лучшие памятники здесь, воздвигнутые из чугуна и мрамора, находятся на могилах генеральши Трескиной, декабристов Муравьева и Вольфа, семейства Неволлиных, Меньшиковых и др. Не меньшего, впрочем, внимания заслуживают и мраморные мавзолеи на могилах статского советника Амвросова и других лиц, похороненных при церкви, расположенной в загородной архиерейской роще».

Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 9. С. 169

Послереволюционные веяния

После Октябрьской революции 1917 г. декреты советской власти об отделении церкви от государства, о свободе вероисповеданий лишили церковь влияния на обряд и культуру погребения. На смену религиозным обрядам похорон частично пришли гражданские. Одним из первых проектов нового революционного строительства стал проект, а затем и постройка в Петрограде (Ленинграде) городского крематория. Но для верующего человека сама мысль о том, чтоб отдать тело близкого человека на кремацию, была кощунственной. И долгое время родственники прилагали всевозможные усилия, чтоб умерших членов их семей предавали земле, пусть на окраине или даже на деревенском погосте, но только не через сжигание.

«Вихри враждебные» пронесли и над Тобольским кладбищем. «Революционная непримиримость», означавшая на деле дефицит культуры и морали, привела к тому, что в 30-е гг. прошедшего столетия вывезли на переплавку практически все чугунные надгробные плиты, большинство из которых были изготовлены в XVIII столетии и представляли из себя

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

 Иоанна и Петра Алексеевичей. В 1683–85 — воевода в Курске. Занимался укреплением пограничных крепостей. В 1686 проводил мобилизацию коломенских, рязанских и каширских служилых людей. Участник первого (1687) и второго (1689) Крымских походов. Во втором походе командовал полками новгородского разряда, выдержал тяжелый бой с конницей сына крымского хана Нуреддина-Калги. Во время Азовских походов 1695 и 1696 — командующий рус. сухопутными войсками. После сдачи турками Азова был пожалован Петром I чином генералиссимуса. В 1696–1700 занимал должность судьи в Пушкарском, Иноземном и Рейтарском приказах. На время отъезда царя с «Вели-

уникальные исторические памятники. «Пролетарии» рассуждали весьма примитивно: раз имеешь надгробие, значит — буржуй! А коль буржуй, то враг и память о тебе (любую!) надо стереть. Рушились мраморные надгробия, во всяком случае, к ним относились без сожаления, а к берегу Иртыша подогнали специальную баржу, куда долгое время стаскивали металлические плиты, кресты, скульптуры. На переплавку! На нужды строящегося социализма. В результате город ли-

шился самого ценного — памяти. Остались лишь единичные могильные памятники тех, кто вписывался в новую доктрину (декабристов, к примеру), или тех, на кого попросту сил не хватило. Правда, из всех городских церквей не тронули лишь кладбищенскую. Неужто совесть заговорила?

Вне кладбищенской ограды

Когда над Сибирью полыхнуло крестьянское восстание 1921 г., его жертвы были свезены в сад Ермака и захоронены в братских могилах, где находятся и до сих пор. «Новые люди» желали все делать по-новому. С началом строительства стадиона на Красной (Соборной) площади без сожаления скovyрнули древнейшие захоронения, которые появились там явно еще со времен первого острога, а потом уже оказались внутри городской черты. К тому же на склоне горы находилась Никольская церковь, подле которой также совершали захоронения. Уничтожили кладбище в Архиерейской роще, а в церкви разместили детский противотуберкулезный санаторий. Теперь там «убогий дом» для людей с расстроенной психикой. Прошедшей осенью оказался невольным свидетелем, когда при рытье котлована рабочие наткнулись на территории диспансера на чье-то захоронение. В Знаменском монастыре (ныне зооветеринарный колледж) издавна хоронили монастырскую братию вблизи церквей. Спасский храм, Ильинская, Архангельская церковь — уже в наше время близ них при ведении строительных работ обнаруживали захоронения, человеческие останки. И это не вина строителей, а надо спросить с тех, кто повелел, пользуясь большевистской властью и моралью, стереть малейшие следы захоронений, отдал храмы под госучереждения.

Приведем тексты надписей, что были сделаны внутри Преображенской церкви Знаменского монастыря: на южной стороне колонны под иконой Св. Анны: «позади сего столба положено тело бывшего тобольского купца Иакова Григорьева, сына Корнильева, жены его вдовы Анны Алексеевой дочери, преставилась тысяща семь сот пятьдесят седьмого года декабря 27 дня; жизни своей имела шестьдесят один год».

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

ким посольством» (1697–98) был назначен главнокомандующим рус. армией. Разбил крымско-турецкие войска на р. Кубань. В июне 1698 подавил мятеж стрелецких полков, разгромив их в сражении близ Воскресенского монастыря в 46 верстах от Москвы, и провел «розыск» зачинщиков бунта. После возвращения в Москву Петр счел действия **Ш.** недостаточно жесткими и организовал новый розыск, который сопровож-

На северной стороне колонны левого клироса, под иконой Иакова Персянина, следующая надпись:

*О чем зрится вещь, хотяй прямо испытати,
Благоволит яве стихи прочитати.*

*Сего града Тобольска zde муж нарочитых
Иаков Григорьев Парфитев Серытых.*

Пятидесяти семи лет и сверх бе от роду.

Дня шестнадцатаго сентября тридцать шестаго году

Остави жену, чада, богатства, славу,

С кранним целованием преклонивый главу.

Тело об перси вдаде, душу в руке Богу,

Емуж и пожив за благодать многу.

Прежде смерти сей память и церкви остави,

Для различных, для Божией славы.

Почесом и церкви его поминати,

Не останет просяще вечной благодати...

(следует еще до 30 строк).

Сбоку: «Прежде писана сия икона 1637 года».

Вот каких богатства и памяти лишили нас знаменательные революционные события, а точнее, мы сами сознательно лишаем себя памяти и по сей день.

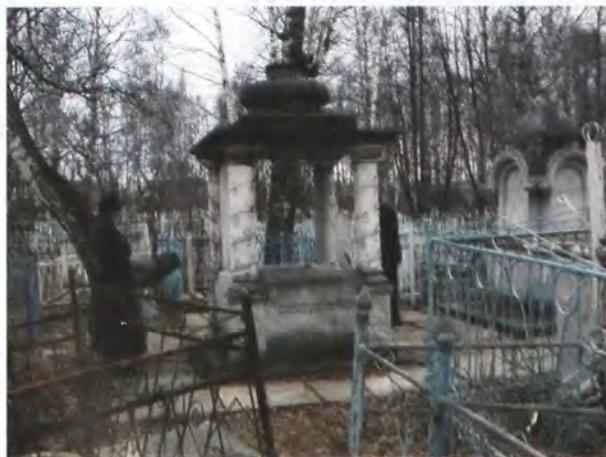
Хотелось бы еще привести имена архипастырей, захороненных в стенах Софийско-Успенского собора в Тобольске. Этот храм одновременно является еще и некрополем ученых мужей, посвятивших себя просвещению и нравственному воспитанию сибиряков. В 1636 г. умирает архиепископ Макарий и его хоронят в Сергиевской церкви, находящейся на Софийском подворье. В 1650 г. умирает другой архиепископ — Герасим (Кремлев), которого также хоронят в Сергиевской церкви. В 1678 г. сибирский митрополит Корнилий «отходит в мир иной» и традиционно захоронен все в той же церкви. После постройки каменного Софийско-Успенского собора их прах перезахоронен в приделе кафедрального собора. В 1715 г. смертью праведника умирает митрополит Иоанн (Максимович), причисленный к лику святых через двести лет. Его хоронят в специальном приделе собора во имя Антония и Феодосия Печерских (позднее Златоустовский). Там же были в разное время погребены: митрополит Антоний (Стаховский) (1740 г.), митрополит Антоний (Нарожницкий) (1748 г.), архиепископ Варлаам (Петров) (1802 г.), архиепископ Амвросий (Рождественский) (1825 г.), архиепископ Павел (Морев) (1831 г.), архиепископ Афанасий (Протопопов) (1842 г.), и, наконец, в 1918 г. там был захоронен убитый большевиками епископ Гермоген, не так давно приобщенный к лику святых. Кроме того, епископ Владимир (Алявдин) (1845 г.) и архиепископ Георгий (Ящур-

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

дался зверскими пытками и завершился казнью более 3 тыс. стрельцов. Лит.: Богоявленский С. К. Приказные судьбы XVII в. М.; Л., 1946. С. 311; Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1990. Кн. VII. Т. 13–14. С. 306, 331, 333, 514, 517, 520, 526, 528, 546–551, 553–556; Власть в Сибири XVI – нач. XX в. Межархивный справочник. Новосибирск, 2002. С. 178–179.

В. В. Коновалов

жинский) (1852 г.) погребены в загородной церкви в Архиерейской роще.

Подводя итоги всему сказанному, хочется заметить, что и после биологической смерти в этом мире остаются дела, мысли и все, что успел совершить человек при жизни, что, собственно говоря, можно назвать одним словом — культура. Тобольск — город с древнейшей культурой и традициями. Кому-то это не нравится,

кто-то отрицает, называя трепетное отношение тоболяков к своим древностям «сентиментальным провинциализмом». Античные философы говорили: «Memento mori» — помни о смерти, а значит, и об умерших. Иначе чего мы все стоим? Кладбища, земля усопших, были и остаются национальными памятниками, которыми мы должны гордиться. Сегодня у большинства из нас такой гордости нет. Требуется ли разъяснять — почему?

С. М. Яблоков

ТЮМЕНСКИЙ ИЗДАТЕЛЬ И МУЗЫКАНТ А. М. АФРОМЕЕВ

Одним из самых значительных явлений в культурной жизни дореволюционной Тюмени была деятельность Алексея Максимовича Афромеева (1868–1920). Работая в городской управе в качестве бухгалтера, он увлекся классической гитарой и самостоятельно освоил теорию музыки и приемы игры на инструменте. Деятельность издателя, получившую вскоре все-российскую известность, А. М. Афромеев начал с публикации в ноябрьском номере журнала «Родина» за 1890 г. марша композитора Дезорма «Возвращение с парада». С 1893 г. начались совместные занятия Афромеева и прибывшего в Тюмень Сергея Акимовича Сырцова (1855–1912) — известного в музыкальных кругах России того времени исполнителя, автора самоучителя игры на 7-струнной гитаре, аранжировщика и скрипача-дилетанта. С. А. Сырцов был участником русско-турецкой войны 1877–1878 гг., интересным публицистом (известны его печатные отзывы на музыкальные события г. Самары). За два года проживания в Тюмени он привил молодому тюменскому музыканту любовь к классической и народной музыке. По вечерам, после службы в конвойной команде, Сырцов, по свидетельству историка гитары В. А. Русанова (1866–1918), разыгрывал в дуэте с Афромеевым с листа различные классические произведения. Дружба двух музыкантов соединила в себе их лучшие